

Виктор Шейнис
(ИМЭМО РАН)

«Формируется не консервативное, а иллюзорное сознание»

Я благодарен организаторам этого Круглого стола, ибо тема, предложенная для обсуждения, на мой взгляд, актуальна и весьма своевременна в год, когда отмечается столетие со дня начала первой мировой войны - поворотного события в мировой истории. Многие положения исходного документа я разделяю. И все же придется начать с некоторых важных уточнений в постановке проблемы.

Мне кажется, что включение произошедшего года два тому назад и продолжающегося ныне политического поворота в политике власти в контекст раскола в обществе несколько смещает предмет обсуждения. Точно так же, как и упоминаемый консервативный тренд – это из другого понятийного ряда. Речь идет не столько об апелляции властей к некоей консервативной тенденции, корнящейся в массовом сознании, а о форсировании полномасштабной, тотальной культурной катастрофы. С.Никольский к месту и ко времени напомнил (в НГ, 14.05.2014) мысль А.Герцена о том, что злосчастия его времени, конечно, отвечают каким-то особенностям национального характера. Эти особенности могут быть побеждены, поглощены другими. Но могут - внимание!- победить и они. "Если Россия способна примириться с существующим порядком вещей, то нет у нее впереди будущего, на которое мы возлагаем надежды". Путь к национальной катастрофе пролагается не созданием "консервативного человека" - к консервативным идеям и ценностям можно относиться по-разному, но они занимают свое место в историческом атриуме человечества, - а апелляцией к самым низменным, глубинным предрассудкам и фобиям, корнящимся в массовом подсознании. Именно отсюда извлекаются понимание и поддержка нынешнему политическому курсу.

Внутри страны - это обеспечение социальной базы на основе не известного социального контракта, как то было, скажем, в начале нулевых годов и в какой-то мере сохранялось примерно до 2011-2012-го годов, а прямое обращение к предрассудкам, невежеству, фобиям значительной части

населения, к мистифицированным образам врага и его российской агентуры. Это, конечно, предполагает изоляцию оппозиции с целью ее фактической ликвидации как актора политического процесса. Вовне - это агрессивно заявленная претензия на право последнего слова в формировании нового мирового порядка, то есть на нечто подобное тому, на что претендовал и в какой-то реализовал Советский Союз. От Запада требуют согласия на российскую интерпретацию правил игры на международной арене, своего рода фаустовскую сделку по Украине с последующим распространением доминирования российского государства на всем постсоветском пространстве. Эту мысль Л.Шевцовой я полностью разделяю.

Продолжение такого курса ни к чему хорошему привести не может. Россию ведут по пути СССР в непонятном убеждении, что каким-то образом удастся обеспечить самосохранение режима на неопределенно долгий срок. Между тем режим вступил в полосу системного кризиса. Понятие системного кризиса аналогично придуманной когда-то академиком Варгой формуле общего кризиса капитализма. То есть речь идет не о периодически обостряющихся противоречиях, которые находят разрешение на собственной основе, а о деградации, изнашивании самих оснований системы. Вопрос о том, что происходило с капитализмом 30-ых годов прошлого века, заслуживает специального обсуждения. Но на наших глазах разворачивался общий кризис коммунистической системы экономики и общества, который завершился ее крушением, возникновением на ее месте переходной системы, в которой присутствовали предпосылки развития в разных направлениях. "Выборная монархия" Бориса Ельцина, в которой сочетались элементы демократии, авторитаризма и анархии, сменилась "вертикалью" неконтролируемой обществом власти и известной стабилизацией. Ее экономическая основа - никем не заслуженный подарок мирового рынка в виде взлетевших нефтяных цен, а социальная - отторжение от якобы "лихих" 90-ых и неформальный социальный контракт между властью и населением: лояльность и уход из политики в обмен на скромное, но более или менее постоянное повышение доходов большинства населения. Но с точки зрения сохранения власти за нынешней социальной стратой эти исторические условия приближаются к исчерпанию (хотя никто не может сказать, как долго установившийся режим может оставаться на плаву).

Передовые общества в противостоянии вызовам современности используют «скрепы», эффективность которых доказана опытом XX века, а именно - культуру и право. А основные скрепы антидемократических, эволюционирующих к тоталитаризму режимов – агрессивная идеологическая монополия и насилие. Резкую интенсификацию того и другого мы и наблюдаем в наши дни. Здесь-то мы и возвращаемся к тому, что на поверхности выглядит (и изображается в определенной части нашей литературы и публицистики) как возобладание консервативного сознания в массах.

На опыте России и многих других стран мы видим величайшую управляемость массового сознания посредством контролируемого государством аппарата пропаганды и развернутого наступления на все независимые источники информации, дополняющего деятельность этого аппарата. В памяти возникает советский опыт. Вспоминается, в частности, 68-й год. Позволю себе рассказать один эпизод. Идет многолюдное собрание актива в Ленинграде, в здании Академии наук. Выступает в то время довольно заметно подвизавшийся на идеологической стезе Александр Чаковский – главный редактор «Литературной газеты». Ему задают вопрос о том, что находится в центре внимания, - "братская помощь" Чехословакии против "контрреволюции". Чаковский играет в дозированную откровенность с аудиторией и говорит: «Ну что ж, товарищи, бывают случаи, когда правительству приходится принимать непопулярные решения. (На общем фоне разглагольствований о безграничном доверии народа к партии и правительству это, конечно, крамола. Но сказано это для вящего эффекта последующих слов.) Но вступление войск в Чехословакию – это в высшей степени популярное в обществе решение». Это - правда, и зомбированный зал отвечает бурными аплодисментами. Людям годами внушали, по Оруэллу, что война – это мир, невежество - это сила и т.д.

Оказывается, что аналогичную реакцию большинства можно получить и в другой исторической ситуации. Только на первый взгляд может показаться неожиданным, что люди, пережившие перестроечное очищение сознания, сотни тысяч выходившие на демонстрации под лозунгами: "Свободу Литве!" и т.п., глотают килотонны жвачки, которую обрушивают на их сознание официальные каналы нашего телевидения: рукоплещут аннексии Крыма,

негодуют на бесчинства "фашистско-бандеровской хунты" и т.д. Лексика - та же, знакомая. Схожий и объект обработки - народ, отсеченный от реальных источников информации, сглатывающий пропаганду, которая изображает события с точностью почти что до наоборот. Формируется не консервативное, а иллюзорное сознание. Заостренная агрессия, с которой распространяется откровенная ложь, подавляются протестные выступления, бесчинствуют "силы правопорядка" на улицах и "взбесившийся принтер" в Думе, выносят свои(?) приговоры "независимые" судьи, - это и многое другое в политике, ставшей нашей повседневностью, провоцирует раскол общества не на консерваторов и либералов, а на управляемую, деперсонализированную толпу и людей мыслящих самостоятельно.

Поворот в государственной политике стимулирован социально-политическими сдвигами, которые происходили в России в начале второго десятилетия XXI в. и страхом властей перед призраком российского Майдана, их озабоченностью сохранением власти в следующем избирательном цикле. Хотя призрак этот в представлениях правящей верхушки гипертрофирован, а оппозиция пока что слишком слаба и раздроблена, чтобы вырвать власть то ли на выборах, то ли по примеру "цветных революций". Но власть перед лицом нарастания протестных настроений хотя бы и в меньшинстве общества озабочена "запасом прочности". Я, помнится, раньше уже упоминал здесь в высшей степени интересный анализ профессора Н.Зубаревич, которая классифицирует ментальность наших сограждан по четырем категориям - четыре России, говорит она. Эти мысли продолжены Львом Гудковым, который несколько развил и углубил этот анализ, освободил от жесткой территориальной привязки. Самое интересное в их анализе - появление новой, растущей социальной общности, условно обозначенной как «Россия-1». Возникла и увеличивается самостоятельная, не зависящая от государственной службы и зарплаты категория граждан, которая имеет собственное представление о сущем и должном. Эти люди обеспечивают себя сами, не ориентируются на государство и разного рода государственные блага, знают языки, имеют связи с зарубежными коллегами, критически воспринимают государственную пропаганду и т.д.

Численность России-1 Зубаревич оценивает в 20-25% населения. Часть этой. России заявила себя всплеском массовых манифестаций в Москве,

Петербурге, других крупных городах в ответ на грубые фальсификации, творившиеся на декабрьских выборах 2011-го года. Правда, большинство критически мыслящих граждан, даже те из них, кто идентифицировали себя с протестующими, на улицы не вышли. Но очевидный сдвиг в настроениях наиболее активной части общества, которая в иных странах не раз выступала главной движущей силой перемен, насторожил власти. В нем они усмотрели, призрак «цветной революции», которая стоит у порога России. Когда стало ясно, что демонстративно заявленные в последние месяцы президентства Д.Медведева уступки не сбивают поднявшуюся волну протестного движения, было решено противопоставить городу--миллионнику - провинцию, креативной интеллигенции - прикормленную верхушку работающих на депрессивных предприятиях вроде "Уралвагонзавода, пригрозившую двинуться на Москву на танках собственного изготовления. В противовес шествиям и митингам оппозиции - помимо оплаченной массовки на митингах-симулякрах, было затеяно провокационное и неправомерное "болотное дело". Риторика национального единства была сменена на разжигание вражды к "пятой колонне". проникнувшей в стройные ряды патриотов, к "национал-предателям" и "иностранным агентам". Несмотря на все эти усилия размывание социальной базы режима продолжалось. Сентябрьские выборы 2013 г. продемонстрировали ослабление электоральной поддержки режима в Москве, Екатеринбурге, Петрозаводске, других центрах. Одобрение деятельности "национального лидера", согласно опросам, снизилось с 82-83% в 2007-2008 гг. до 61% в 2013 г. В нормальной парламентской демократии такие показатели едва ли признали бы катастрофическими. Но российские власти, опасаясь продолжения этой тенденции, сочли, что те уровни контроля над обществом, которые до того исправно работали, недостаточны, и занялись поиском средств, с помощью которых запас прочности режима можно увеличить.

В известной мере эту роль призвана была выполнить Олимпиада в Сочи. В средствах массовой информации она была представлена как триумф российского руководства и чуть ли не как главное событие года. Но Олимпиада – все-таки разовое событие, преходящее и исчезающее со временем из памяти. И весьма кстати подоспело событие неизмеримо более важное – украинский кризис, который, конечно же, имел внутренние основы

своего возникновения и развертывания, но был на полную катушку использован для решения тех двух задач, о которых я говорил вначале, а именно: для ужесточения контроля над обществом и реализации внешнеполитических претензий. В копилку популярности российского президента он принес возврат Крыма и обещает еще немало сверх того. Одобрение его деятельности вновь достигло заоблачных высот. Цель была достигнута: с такими показателями, если, конечно, они сохранятся, не стыдно идти и вести своих избранников на выборы.

Присоединение Крыма - самостоятельная тема. Я не буду на ней подробно останавливаться, скажу только одно. Безотносительно к тому, насколько объявленные результаты наскоро и в нарушение украинской Конституции проведенного референдума выразили мнение большинства крымчан, предпринятые действия - в стиле XIX века, самое большее - первой половины XX века, но никак не его конца и не XXI века. Международное право, подписанные Россией договоры были нарушены грубейшим образом, а сама операция была проведена по образцам рейдерского захвата. Люди, впавшие в восторженную эйфорию, не ведают, что "спасали" Крым и проверяли, не удастся ли то же повторить на востоке Украины, не от неизбывной будто бы "бандеровской" угрозы, а решая стратегические задачи доминирования на постсоветском пространстве.

Позволю себе сослаться на очень точную мысль Адама Михника: «Границы в наше время надо не передвигать, а открывать, делать прозрачными». Но даже если это пока в идеале, изменение границ должно осуществляться цивилизованным, европейским способом - на основе тщательно регламентированной неспешной процедуры, с учетом интересов меньшинства и с возможностью обратных ходов в течение какого-то времени. Так, как к этим вопросам подходят в Великобритании, Италии, Испании, Канаде. В этой связи я не могу не выразить глубокое сожаление по поводу высказывания Михаила Сергеевича, одобрявшего присоединение Крыма. Мне кажется, что это ошибка глубоко уважаемого мною человека.

Аннексия Крыма, споспешествование разного рода захватным действиям на востоке Украины (которые, конечно, не потерпели бы и не терпели в России), разнузданная антиукраинская (а заодно и антиамериканская и антиевропейская) кампания в печати и на телевидении, побивающая

геббельсовские рекорды, формируют не консервативные склонения, а взывают к фантомным имперским болям массового сознания, с размаху бьют по его чувствительным точкам. Точки эти многократно испытаны и набиты: Русский мир, защита соотечественников (при очевидном отсутствии какой-либо угрозы соотечественникам в Крыму ли, на Востоке ли Украины). Характерно, что в защиту действительно притесняемых соотечественников в Туркменистане, Узбекистане или Казахстане российские власти отнюдь не торопилось выступать. Патриотизм приспособлен к обслуживанию нужд государственной политики.

Вчера, переходя Профсоюзную улицу, я заметил билборд, на котором написано: «Я люблю (в виде сердечка) нашу историю». Вот так: люблю отечественную историю всю целиком, с ее свершениями и подвигами и с ее злодеяниями и подлостями. Мысли Чаадаева, Герцена, даже Ленина о том, какова наша история, - побоку. Полуграмотные люди, которые сочиняли этот бредовый текст, едва ли знают действительную историю, но зато они носом чувствуют веления политической конъюнктуры. Они в той же струе, что и дипломированные историки, по заданию свыше сочиняющие концепцию для "единой линейки" учебников истории.

Нагнетание психологической угрозы внешней опасности, противостояния чуждым влияниям враждебного Запада апеллирует не только к давним и дремучим фобиям массового подсознания («англичанка гадит»). Это лишь одно из направлений психологической войны. Другое направление - ужесточение государственного контроля над теми слоями российского общества, которые ориентированы на Запад и уже имеют там различные интересы. Значительная, причем наиболее продвинутая часть нашего общества постепенно входит в систему разного рода экономических, финансовых, культурных, информационных, родственных связей с Западом, приобретает иное гражданство. Многие из этих людей отнюдь не собираются покидать Россию навсегда. Речь идет не о постоянной эмиграции. Второй раз, вслед за первой, послереволюционной волной страну оставляют массы наиболее квалифицированных, активных людей, и это беда, культурная катастрофа. Она мало заботит нашу власть, поскольку отъезды ослабляют потенциальную оппозицию. Некоторых она даже сознательно выталкивает из страны. Но как раз остающихся – многих из них она небезосновательно рассматривает как

носителей чуждых, европейских ценностей и стандартов поведения в нашем обществе - она стремится держать на коротком поводке, отсесть от "запасных аэродромов" за границей, в которых эти люди видят некоторое обеспечение личной независимости. Особое значение придается "национализации" и дисциплинированию тех относительно привилегированных, состоятельных слоев, которые имеют интересы в российском бизнесе и обслуживают структуры власти.

Множество принимавшихся в последнее время законов предназначены ослабить, оборвать или поставить под контроль различных ведомств, обеспечивающих всеведение Большого брата, контакты общественных негосударственных организаций и граждан с заграницей. В этих целях образ врага незаменим. Среди последних изобретений - право чиновников (даже не послушных судов) регистрировать по собственному усмотрению "иностранных агентов" и закон, предписывающий всем владельцам иностранных паспортов заниматься самоносительством. Система государственного учета и контроля проникает во все сферы общественной и частной жизни. В распространении этой эпидемии исключительная роль принадлежит Государственной Думе. Одни депутаты, бегущие впереди паровоза, выступают инициаторами самых безумных инициатив, другие послушно вотируют самые поразительные антигуманные проекты. Мне довелось быть депутатом Верховного Совета и первой и второй Думы. Я никогда не переоценивал наш парламент, но все-таки прежде это были учреждения, где сталкивались разные мнения, где была живая жизнь, отражавшая то, что происходило в обществе. Сегодня мы получили корпус, который, оставаясь в пределах вежливости, я бы уподобил «бесподобной палате» во Франции эпохи реставрации Бурбонов.

В заключение несколько слов о перспективе. Едва ли в ближайшем будущем удастся остановить ужесточение политического режима. Его можно уподобить движению асфальтового катка. Силы, которые способны остановить это продвижение пока не просматриваются ни в обществе, ни внутри так называемой элиты. Надежды, которые некоторые прогрессисты возлагали на правление Медведева, сегодня кажутся наивными и вызывают лишь улыбку. И тогда возникает вопрос: что со всем этим делать активным людям, заинтересованным в том, чтобы остановить приближение к национальной

катастрофе? Ответ на этот вопрос, боюсь, может быть дан здесь лишь в самом общем виде. Важно использовать все сохраняющиеся возможности сопротивления реакционному курсу.. Надо идти на выборы. Надо одергивать тех, кто говорит, что это бесполезно, ибо система настроена так, что все равно оппозиция выборы выиграть не может. Взять большинство в органах власти, конечно, сейчас не сможет. Но важны даже единичные успехи, важна школа публичной политики, которую люди проходят на выборах. Надо пробивать информационную блокаду, ни в коем случае не пренебрегать теми каналами просвещающего влияния на общество, которые все еще существуют в СМИ, в интернете, в личном общении. Надо поддерживать волонтерские движения, низовые инициативы граждан, отстаивающих свои права. Не отчаиваться, если это не дает немедленного результата.

В начале XX века в России вызревали предпосылки прорыва к свободе, утверждалась богатая общественная жизнь, не подчиненная государству, формировалась интеллектуальная элита. Быть может, самое трудно-поправимое, что сотворили большевизм и сталинизм, - уничтожение целого поколения русской интеллигенции, разрыв связи времен, создание условий, при которых лишь через десятки лет, с вековым почти перерывом стала возникать, самоорганизовываться, находить пути друг к другу, самостоятельная, а не притулившаяся к государству, сознающая собственную ответственность перед обществом, перед будущим страны интеллигенция. Страна стала грамотной, но это лишь островки, окруженные морем «образованцев». Эти островки надо поддерживать, вырабатывая знание, формируя культурную среду, которая будет востребована, когда изменятся времена.

Полагаю, что Горбачев-Фонд является одним из тех центров, которые пытаются решать эту задачу.